

На правах рукописи

Малых Олег Олегович

**«ДЛИННОКЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ ПРИКАМЬЯ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н.Э. И ЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНЫХ И МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ»**

Специальность 5.6.3. – Археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой
степени кандидата исторических наук

Барнаул - 2023

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет» на кафедре отечественной и всеобщей истории, археологии.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор А.М. Белавин

Официальные оппоненты:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», Научно-образовательная лаборатория патриотического воспитания молодежи и истории казачества, главный научный сотрудник

Зубов Сергей Эдгардович, кандидат исторических наук, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», Научно-образовательный центр археологии и этнографии Волго-Уралья, директор

Ведущая организация: ФГБУН Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»

Защита состоится 28 сентября 2023 г. в 10:00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.269.01 при ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» по адресу: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина 61, ауд. 416.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», http://www.asu.ru/science/dissert/hist_diss/

Автореферат разослан « ____ » _____ 2023 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Горбунов Вадим Владимирович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность. Прикамье – культурно-географический регион, сформировавшийся в бассейне р. Кама. Регион с яркой и самобытной историей и культурой народов, населявших и населяющих его. Многие аспекты культуры нашли свое отражение в погребальной обрядности. Погребальный обряд – наиболее устойчивый признак культуры, нередко являющийся одной из немногих возможностей проследить этапы культурного развития этноса [Клейн, 2013. С. 80].

Среди погребального инвентаря захоронений, оставленных на территории Прикамья, редки находки длинноклинкового оружия. При проведении научного исследования памятников первой половины I тыс. н.э. обнаружено 169 единиц длинноклинкового оружия. Погребения финального этапа РЖВ являются одними из наиболее насыщенных подобными находками в сравнении с другими этапами истории Прикамья. Длинноклинковое оружие, происходящие из закрытых погребальных комплексов, стоит рассматривать как отражение социальной структуры изучаемого этноса, а не просто как аспект военного дела. Выявление процессов и событий, приведших к появлению данной категории погребального инвентаря, есть выявление процессов, приведших к изменению социальной структуры или этнокультурного состава той или иной группы населения. Подобные исследования приобретают большую значимость, если рассматривать интересующие изменения не в контексте одной археологической культуры, а в масштабах целого культурно-географического региона в течение его полутысячелетней истории.

На рубеже эр длинноклинковое оружие появляется в погребальных комплексах, относимых сегодня к чегандинской культуре (III в. до н.э. - II в. н.э.) Среднего Прикамья и карабызской общности (IV до н.э. – III н.э.), существовавшей на просторах Нижнего Прикамья [Генинг, 1970. С. 3; Проценко, 2015. С. 39]. В период формирования рассматриваемой практики в регионе не фиксируется закрепления на его территории инокультурных групп, соответственно, данная традиция возникает под влиянием социальных изменений. Впрочем, рассматриваемые изменения могли происходить под влиянием внешних контактов, но не определяться исключительно ими.

Следующий виток в историко-культурном развитии Прикамья и распространении даже не самого длинноклинкового оружия, а практики его помещения в захоронения происходит на рубеже II-III вв. н.э. В результате влияния различных факторов происходит передислокация части местного населения на земли правобережья р. Камы. В III в. на базе чегандинского населения возникает мазунинская культура (III-V вв.) [Генинг, Мырсина, 1967. С. 84]. По мнению Н.А. Мажитова, памятники, функционировавшие в III-V вв. на территории удмуртской части Прикамья, стоит рассматривать как часть раннебахмутинской общности [Мажитов, 1968. С. 102]. В Волго-Вятском междуречье происходит генезис азелинской культуры, существование

которой приходится на III-V вв. [Генинг, 1963. С. 3]. Вслед за культурными изменениями меняется и география распространения погребений с длинноклинковым оружием.

Во второй половине IV-V вв. Прикамье затронули события эпохи Великого переселения народов, выразившиеся в проникновении в регион групп мигрантов различного этнокультурного происхождения. Под влиянием миграционных процессов и иных обстоятельств в V в. прекращает свое существование мазунинская и азелинская культуры. Это приводит к прекращению практики совершения захоронений с длинноклинковым оружием у населения Нижнего и Среднего Прикамья.

Миграции приводят к появлению интересующих захоронений в тех частях региона, для которых они ранее были не характерны. В Верхнее Прикамье проникают группы носителей позднесарматской культуры и представители иных культур кочевого мира. Различные формы взаимодействия местного и пришлого населения приводят к прекращению существования гладеновской культуры (III в. до н.э. – VI в. н.э.) и началу генезиса неволинской и ломоватовских культур [Голдина, 1985; Голдина, Водолаго, 1990]. Появление в Верхнем Прикамье групп мигрантов привело не только к культурным изменениям, но и к закреплению в данной части Прикамья практики захоронения мечей вместе с частью умерших, следовательно, и к закреплению определенных социальных структур и представлений. Выявление процессов, приведших к появлению определенных категорий находок и практик, связанных с ними, позволяет лучше понять парадигму развития изучаемых этносов и их социальную структуру.

Степень изученности темы. Из погребальных комплексов, оставленных в I-V вв. н.э., происходит 154 меча и 15 палашей – объём находок, достаточный для их всестороннего научного изучения.

Научное изучение мечей и палашей первой половины I тыс. н.э. возможно разделить на два условных этапа.

Первый этап – начало XX – 80 гг. XX в. История научного изучения длинноклинкового оружия начинается в 1910 г., когда при осмотре территории Мазунинского могильника сарапульским краеведом Л.П. Беркутовым были обнаружены обломки меча [Генинг, Мырсина, 1967. С. 85].

Одними из первых мечей, обнаруженных при раскопках закрытых погребальных комплексов, стали находки, сделанные В.Ф. Генингом при изучении Азелинского и Суворовского могильников. В публикации 1963 г. исследователь отнес интересующие находки к категории двуручных мечей [Генинг, 1963. С. 69–70]. В 1967 году В.Ф. Генинг, публикуя материалы раскопок Ижевского могильника, высказал общее представление о мечах III–V вв., найденных в Прикамье, предположив, что в дальнейшем они сменяются однолезвийными мечами [Генинг, 1967. С. 130]. В 1976 году В.Ф. Генингом было высказано предположение о

южном (сасанидском?) происхождении меча, помещенного в курган V [Генинг, 1976. С. 82]. В 2009 г. в пользу сасанидского происхождения тураевского меча высказались М.М. Казанский и А.В. Мастыкова [Казанский, Мастыкова, 2009. С. 120].

В 1984 году В.А. Ивановым проанализированы и обобщены материалы раскопок памятников, функционировавших в I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. К моменту выхода монографии в научный оборот введены сведения о находках 19 мечей. В.А. Иванов связал происхождение большинства мечей с сарматскими прототипами [Иванов, 1984. С. 17–18].

Второй этап – 90-е годы XX – начало XXI вв. В начале 90-х годов начинается активное использование методов естественных наук для проведения гуманитарных исследований.

Первым из прикамских ученых, разработавшим типологию длинноклинкового оружия, стал Б.Б. Агеев. В качестве критериев деления находок на типы были выбраны моменты наличия или отсутствия перекрестий и наверший, особенности их форм. Исследователем выделено 5 типов мечей и 3 типа палашей [Агеев, 1992. С. 46].

Следующая типология длинноклинкового оружия была опубликована в 1997 г. Т.И. Останиной. Основываясь на форме перехода от клинка к хвостовику меча, обнаруженные при раскопках памятников мазунинской культуры, были разделены на 2 типа [Останина, 1997. С. 73].

В 2007 г. С.Э. Зубов опубликовал статью, в которой обобщались сведения о палашах, происходящих из захоронений Волго-Уралья. На основании учета фактов наличия и отсутствия наверший и перекрестий имеющиеся находки были разделены на 4 группы. Появление палашей связывалось с деятельностью населения лесостепи и не рассматривалось как результат развития военного дела поволжского или прикамского населения [Зубов, 2007. С. 131].

В 2013 г. Р.В. Матвеевым проанализированы особенности мечей, происходящих из захоронений, относимых к азелинской культуре на основании критериев выделения типов оружия, предложенных А.М. Хазановым [Хазанов, 1971. С. 15–17]. Матвеевым выделено 3 типа мечей [Матвеев, 2013. С. 45, 50, 55].

В 2017 г. особенности мечей и палашей Тарасовского могильника были рассмотрены Р.Д. Голдиной и С.Е. Перевошиковым. Принимая во внимание особенности клинка, наличие или отсутствие перекрестия и навершия, палаши разделены на 2 типа [Голдина, Перевошиков, 2017. С. 114]. На основании ширины клинка было выделено 2 типа мечей [Голдина, Перевошиков, 2017. С. 114-115].

В свете вышеизложенного актуальность исследования возможно определить следующими тезисами:

– несмотря на обнаружение в нашем регионе 169 единиц длинноклинкового оружия или его фрагментов, данная категория находок остается малоизученной;

– работы, в которых клинковое оружие являлось основным объектом исследования, практически отсутствуют;

– типологические схемы, использовавшиеся ранее для описания мечей и палашей, не в полной мере соответствуют современным методологическим требованиям. Во многом это связано с выделением типов на основании учета одного элемента конструкции оружия, а не всей совокупности элементов, его образующих;

– назрела необходимость рассмотрения вопросов развития социальных и миграционных процессов, отражением которых стала практика помещения длиннокликового оружия в состав погребального инвентаря захоронений.

Объектом исследования является длиннокликовое оружие, происходящее из захоронений, оставленных в первой половине I тыс. н.э. в Прикамье.

Предметом исследования являются исторические процессы, способствовавшие распространению длиннокликового оружия в среде населения Прикамья в первой половине I тыс. н.э.

Цель исследования: выявление миграционных и социальных процессов, способствовавших распространению длиннокликового оружия в среде населения Прикамья в первой половине I тыс. н.э.

В рамках представленной работы реализуются следующие **задачи:**

1. Осуществить историографический анализ работ, посвященных изучению и публикации находок длиннокликового оружия, сделанных на территории Прикамья.

2. Сформировать источниковедческую базу, отражающую факты находок длиннокликового оружия, его параметры и особенности. Формализовать полученные сведения для последующей обработки статистическими методами.

3. Применить для обработки имеющихся данных метод дискриминантного анализа.

4. Разработать на основании данных, полученных в ходе применения дискриминантного анализа, типологию мечей, относящихся к первой половине I тыс. н.э.

5. Соотнести распространение длиннокликового оружия с течением исторических процессов, затронувших население Прикамья в период первой половины I тыс. н.э.

Территориальные рамки исследования определяются бассейном реки Кама, на территории которого сегодня расположены Пермский край, республики Башкортостан и Татарстан, Кировская область.

Хронологические рамки определены первой половиной I тыс. н.э.

Источники исследования – музейные коллекции, отчеты и опубликованные материалы, полученные в ходе раскопок 33 могильников следующих культур: чегандинская (8 мог.), карабызская (3 мог.), мазунинская (7 мог.), азелинская (10 мог.). В исследование включены

материалы 12 могильников, на территории которых были оставлены захоронения представителей инокультурных групп населения.

Методология и методы исследования. Основным методологическим принципом в настоящей диссертации выступает системный подход. Системный подход позволяет исследовать изучаемые объекты как единую систему образующих их элементов [Рузавин, 1999, С. 272–276]. Помимо этого, предложенная работа опирается на принцип историзма, который требует изучения любого общественного явления в его конкретно-исторической обусловленности и развитии [Могильницкий, 1989, С. 85].

Работа написана на основании данных, полученных в результате применения различных методов, используемых при проведении археологических исследований. К традиционным методам относятся историко-сравнительный, историко-генетический, историко-картографический и иные методы исторического познания.

Для достижения поставленной цели исследования и сопутствующих задач применены формализовано-статистические методы. Для анализа конструкции мечей и выделения их типов применен метод дискриминантного анализа. В рамках дискриминантного анализа нами используется теория нечетких множеств, позволяющая создать наиболее адекватную математическую модель [Zaden, 1965. С. 338–353]. Преимущество данного метода заключается в возможности не только математически обосновать целесообразность выделения типов, но и просчитать степень вероятной принадлежности каждой находки к выделяемым временным периодам.

Анализ особенностей погребального обряда захоронений с длинноклинковым оружием произведен на основании формально-статистических методов. В основе лежит количественный анализ особенностей погребального инвентаря и обрядности, позволяющий высказывать обоснованные предположение о социальной структуре изучаемого населения или этнокультурных изменениях, происходящих в Прикамье в первой половине I тыс. н.э. Формализация данных и их последующий программный анализ производились в средах Excel и SPSS.

Научная новизна исследования заключается в изучении длинноклинкового оружия не одной культурной общности, а целого культурно-географического региона на протяжении его полутысячелетней истории. В рамках предложенной работы проведена апробация использования метода дискриминантного анализа для изучения длинноклинкового оружия.

Теоретическая и практическая значимость работы. Для исследования создана база данных, в которую занесена имеющаяся на текущий момент информация о длинноклинковом оружии, отражающая их метрические размеры и конструктивные особенности. База данных составляется не по материалам одной культурно – исторической общности, а по итогам

изучения памятников, относящихся к пяти этнокультурным общностям. Использование базы данных упростит изучение развития систем вооружения представителей различных культур населения Прикамья. Предложенный вариант адаптации метода дискриминантного анализа, примененный для изучения длинноклинкового оружия, может быть использован для изучения иных категорий предметов материальной и духовной культуры населения древности

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность и обоснованность результатов и выводов, представленных в работе, определяется разнообразием использованных источников, применением как традиционных для археологического исследования методов, так и естественнонаучных методов. Апробация достигнутых результатов произведена в серии публикаций и выступлениях на научных конференциях. По теме диссертации было опубликовано 14 научных статей и тезисов, из них 4 в рецензируемых изданиях – «Вестник Челябинского государственного университета», «Самарский научный вестник», «Вестник Томского государственного университета». Некоторые результаты исследования апробированы на всероссийских (с международным участием) (Астрахань, 2006; Пермь, 2007; Самара 2008; Оса, 2013), всероссийских (Ижевск, 2008; Пермь, 2009; Сыктывкар, 2010; Оса, 2022) и региональных (Пермь, 2009; Пермь, 2012; Пермь, 2016) научно-практических конференциях.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Доказано, что на основании анализа материалов, полученных при проведении археологических раскопок погребальных памятников, функционировавших в первой половине I тыс. н.э. на территории Прикамья, возможно создать репрезентативную базу данных, позволяющую произвести исследование длинноклинкового оружия.
2. Подтверждено, что на основании метода дискриминантного анализа возможно разделить интересующие находки на конструктивно–хронологические типы, для каждой находки возможно математически просчитать степень ее принадлежности к каждому из рассматриваемых периодов.
3. Появление в первой половине I тыс. н.э. в Прикамье длинноклинкового оружия связано не только с проникновением групп мигрантов, но и с военной активностью местного населения за пределами региона. Военная активность совпадает с течением таких крупных исторических событий как Скифская война или походы Германариха.
4. Появление в захоронениях представителей коренных культур населения Прикамья длинноклинкового оружия не связано с переходом в общественном развитии к стадии военной демократии. Присутствие в захоронениях отдельных представителей общества предметов статусного вооружения стоит связывать с реализацией механизмов ситуационного ранжирования.

5. Погребения первой половины I тыс. н.э. с длинноклинковым оружием не принадлежат представителям социальных институтов дружин и вождей, формирующихся на предгосударственной стадии общественного развития, а могут принадлежать представителям мужских союзов - общественных объединений, являвшихся генетическими предшественниками дружинных структур.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных архивных источников, и литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность исследования, рассмотрена степень изученности темы, определены его объект и предмет исследования, поставлены цель и задачи, обозначены хронологические и территориальные рамки, охарактеризован круг источников, методология и методы исследования, указаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость, степень достоверности и апробация диссертационного исследования, названы основные положения, выносимые на защиту, а также приведена структура работы.

Глава 1. Мечи

1.1. Методические проблемы исследования длинноклинкового оружия.

Одним из важнейших методов изучения археологического наследия является типологический метод. На основании изучения длинноклинкового оружия, обнаруженного на территории Прикамья, Б.Б. Агеевым, Т.И. Останиной, Р.В. Матвеевым были разработаны типологии [Агеев, 1992. С. 46–47; Останина, 1997, С. 73–74; Матвеев, 2013, С. 45–55]. Указанные работы основаны на подходе, предложенном А.М. Хазановым для описания сарматских мечей. Для разделения находок на различные типы в расчет принимались форма перехода от клинка к хвостовику и наличие/отсутствие перекрестия [Хазанов, 1971, С. 15–17]. Указанные типологии характеризуют не весь предмет, а только отдельные его части. На основании конструкции рукояти без учета параметров клинка невозможно понять военнотехническое назначение мечей, однако особенности клинка не всегда принимаются в расчет. Особенности клинков должны быть включены в описание рассматриваемых находок при выделении типов.

1.2. Мечи. Отделы

Для проведения анализа параметров оружия мечи будут разделены на отделы на основании длины клинка и подотделы на основании его ширины.

Отдел 1 – мечи с коротким клинком. Отдел образован мечами, имевшими длину клинка от 38 до 61,2 см. В современном состоянии сечение клинков определяется как линзовидное. Параметры клинков и компоновка рукоятей мечей зависит не от культурной

принадлежности лиц, с которыми было погребено оружие, а от времени изготовления интересующих находок. К периоду I-II вв. относится 8 мечей с коротким клинком. В конце III - первой половине IV вв. в могилы попало 4 аналогичных меча, а в конце IV - начале V вв. только 1 клинок. Разделение находок на подотделы выглядит следующим образом. К подотделу А относится 8 находок, к подотделу Б – 6.

Отдел 2 – мечи с клинком средней длины. Мечи с клинками средней длины являются самой многочисленной группой находок (55 экз.). Отдел 2 образуют мечи с длиной клинка от 61,2 до 80 см. У 90% клинков сечение клинка определяется как линзовидное. Сечение близкое к ромбовидному фиксируется у оружия, использовавшегося в период I-II вв. Хронология распространения мечей может быть описана следующим образом: к периоду I-II вв. относится 6 находок. Из захоронений, оставленных в III - первой половине IV вв., происходит 29 мечей. Среди материалов, относящихся к раскопкам памятников периода второй половины IV - начала V вв., выявлено 15 интересующих находок. Разделение находок на основании параметра ширины – к подотделу А относится 14 находок, к подотделу Б- 37.

Отдел 3 – мечи с длинным клинком. Находки отдела 3 – это оружие с длиной клинка от 81 до 105 см. В современном состоянии сечение 21 клинка определяется как линзовидное (91,3%). Из погребальных комплексов I-II вв. происходит 3 меча. К периоду III-первой половины IV вв. относится 17 захоронений с оружием, имевшим длинный клинок. В период второй половины IV-начала V вв. как часть имущества мигрантов в захоронения могло попасть 5 мечей. Рассмотрение ширины клинков позволяет группировать находки следующим образом: подотдел А–6 находок, подотдел Б–17 мечей.

Создание типологии или классификации длинноклинкового оружия как целостной системы элементов, его образующих, без учета параметров клинка невозможно. Но при этом основании учета только длины и ширины клинков нельзя создать типологию мечей, так как следует принимать во внимание и особенности конструкции рукояти.

1.3 Мечи. Разделы

Раздел А – мечи, рукояти которых не имели ни перекрестий, ни наверший. Оружие, рукояти которого не имеют наверший и перекрестий, образует самую многочисленную группу (40 экз.) мечей первой половины I тыс. н.э. С учетом формы перехода от клинка к хвостовику имеющиеся находки возможно разделить на два подраздела, а не самостоятельных типов.

Подраздел 1. Представлен мечами, имеющими подтреугольную форму перехода от клинка к хвостовику. Начало распространения подобного оружия в Прикамье фиксируется по материалам захоронений, оставленных в I-II вв. (5 находок). В период III - первой половины IV вв. частью погребального инвентаря могло стать 22 меча. Во второй половине IV - начале V вв.

в могилы было помещено только 3 меча с интересующими особенностями. Около 40 % находок обнаружено при исследовании могильников, относимых к мазунинской культуре.

Подраздел 2. Мечи с прямоугольным переходом от клинка к хвостовику. На основании имеющихся данных хронологию появления мечей в погребениях можно представить следующим образом. Со второй половины III по первую половину IV вв. в могилы было помещено 6 мечей. В период второй половины IV-начала V вв. в состав погребального инвентаря попало 3 единицы оружия рассматриваемой конструкции. Основная масса находок (90%) происходит из погребений, оставленных в IV-начале V вв.

Раздел Б – мечи, рукояти которых имели перекрестия, но не имели наверший. Мечи данной группы преимущественно встречаются в погребениях, оставленных во второй половине IV - начале V вв. (10 экз.). Реже происходят из материалов захоронений I - II вв. (3 ед.) и III - первой половины IV вв. (2 ед.). Перекрестия могли иметь ромбовидную форму с клиновидным вырезом в верхней части (3 ед.), или представлять собой бронзовые пластины (3 ед.). Железным перекрестиям овального или прямоугольного сечения придавалась прямая форма (8 ед.).

Раздел В – мечи, рукояти которых не имели перекрестий, но были снабжены навершиями. Появление в Прикамье оружия с рассматриваемой комплектацией рукоятей во многом связано с традицией украшать эфесы оружия халцедоновыми дисками, получившей основное распространение в сарматской среде в период II - первой половины III вв. [Безуглов, 2000. С. 173–174]. В 63% случаев находки раздела В комплектовались халцедоновыми навершиями (7 ед.). Хронологию совершения захоронений мечей с навершиями возможно описать следующим образом. Во второй половине III - начале IV вв. было оставлено 3 погребения с мечами раздела В. При проведении раскопок погребальных комплексов второй половины IV - начала V вв. было обнаружено 2 меча. Картографирование находок позволило прийти к выводу, что мечи с халцедоновыми навершиями характерны для населения Среднего Прикамья.

Раздел Г – мечи с рукоятями, снабженными перекрестиями и навершиями. Мечи с навершиями и перекрестиям обнаружены при раскопках погребений I-II вв. (5 ед.). Ко второй половине III - первой половине IV вв. относится 2 захоронения с мечами. В период первой половины IV - начала V вв. частью погребального инвентаря стали 4 меча. Рукояти мечей раздела Г имели перекрестия и навершия разнообразных форм.

При объединении в одну систему описания параметров клинков и конструкции рукоятей мечей возможно выделить конструктивно-хронологические типы мечей.

1.4. Конструктивно хронологические типы мечей

В рамках исследования впервые предпринята попытка выделения конструктивно-хронологических типов мечей – групп находок, параметры и конструкция которых характерны для конкретного исторического периода [Малых, Шмуратко, 2019. С. 136].

Для проведения исследования был отобран 91 меч, происходящий из закрытых комплексов, и 11 мечей из числа случайных находок. Выделение типов произведено на основании метода дискриминантного анализа. При реализации алгоритма дискриминантного анализа был установлен метод пошагового ввода переменных в модель, кроме того, был активизирован параметр Use probability of F, который позволяет вводить переменные в регрессионную модель более гибко [Таганов, 2005. С. 143].

Хронологическая группа 1 (I-II вв.). Дискриминантный анализ позволяет говорить о высоком проценте «узнаваемости» мечей данной хронологической группы (73%) [Малых, Шмуратко, 2019, С. 137]. Применяемый метод позволяет среди находок интересующего периода выделить эталонные находки. Эталонными для данной группы являются мечи из погр. 68 Камышлы-Тамакского, погр. 346, 361 Ново-Сасыкульского, погр. 306 Кушулевского III могильников (коэффициент принадлежности 0,98380) [Малых, Шмуратко, 2019, С. 137]. Конструктивно это оружие с коротким (среднее значение 55,5 см) и узким (3,37 см) клинком и рукоятью, снабженной перекрестием. **Хронологическая группа 2** (III в.). Статистическим анализом подтверждена принадлежность к III в. мечей из погр. 27 Ошкинского, погр. 4, 131 А, 782, 790 Тарасовского, погр. 16 Нивского могильников. Перечисленные находки образуют эталонную группу с показателем принадлежности 0,76993. Конструктивно это оружие с длинным (до 102 см) и узким (3,5 см) клинком, рукояти которого в 33% случаев снабжались халцедоновыми навершиями. Длина хвостовиков варьировалась от 10 до 17,5 см [Малых, Шмуратко, 2019, С. 138]. **Хронологическая группа 3** образована мечами, ставшими частью погребального инвентаря в IV в. (без последней четверти). Эталонными находками возможно считать мечи, найденные в погр. 60, 129, 199, 765 Б, 1685, 1779 Тарасовского, погр. 1, 17 Суворовского, погр. 5 Азелинского, погр. 10, 16 Ижевского, погр. 76, 94 А, Б, В Тюм-Тюмского, погр. 26, 63, 115, 261, 289 Покровского, погр. 19 Нармонского, погр. 105 Усть-Сарапульского, погр. 83 Красноярского могильника. Коэффициент принадлежности находок к IV в. составил 0,62589. Мечи, определенные как эталонные, имели клинки длиной около 76,2 см и шириной основания 4,8 см. У 20,6% находок рукояти были снабжены навершиями, у всего оружия отсутствовали перекрестия (100%) [Малых, Шмуратко, 2019, С. 140].

Последняя из рассматриваемых хронологических групп находок (**группа 4**) образована оружием, найденным при раскопках захоронений конца IV - начала V вв. К интересующему периоду отнесены мечи из погр. 1 кургана 1 Тураевского, погр. 5, 6, 7, 8, 10, 15, 16

Кудашевского, погр. 3 кургана Бурковского, кургана 4 Калашниковского, погр. 1 кургана 25 Бродовского могильников. Коэффициент, определяющий степень принадлежности находок к концу IV - началу V вв., составил 0,89601 [Малых, Шмуратко, 2019. С. 141].

Хронологическая «узнаваемость» (обусловленность) конструкций и параметров мечей, относящихся к хронологической группе 1 (I-II вв.), составляет 60%. При таких показателях статистически возможно обосновать выделение конструктивно-хронологического типа 1. Показатель «узнаваемости» мечей группы 2 (III в.) составляет 66,7%, чего достаточно для выделения типа 2. Группа 3 отражает специфику длиннокликового оружия, использовавшегося в первой половине IV в. «Узнаваемость» находок эталонной группы составляет 85,3%, что является самым высоким показателем среди всех рассматриваемых групп. Соответственно, имеются основания для выделения типа 3. На уровне 42,3% определяется принадлежность мечей группы 4 (конец IV - начало V вв.), что является самым низким показателем среди рассматриваемых групп находок. Показатель не превышает 50%, что позволяет поднять вопрос о нецелесообразности выделения типа 4.

Глава 2. Палаши и технологические аспекты изготовления длиннокликового оружия первой половины I тыс. н.э.

2.1. Палаши. Отделы

Отдел 1 – палаши с коротким клинком. К рассматриваемому отделу относятся палаши, найденные в захоронениях Чегандинского II (1 ед.), Ныргандинского II (1 ед.), Афонинского (2 ед.) и Охлебнинского (1 ед.) могильников. Длина клинков находок варьировалась в пределах от 45 до 60 см при ширине основания полосы от 2,4 до 3 см.

Отдел 2 – палаши со средней длиной клинка. Среднюю длину клинка имели палаши, обнаруженные в комплексах Тарасовского (2 ед.) и Охлебнинского (2 ед.) могильников. Оружие отдела 2 составляет 35,7% всех рассматриваемых находок палашей, из которых 60% находок происходит из чегандинских захоронений. Длина клинков оружия колеблется от 69 до 77,4 см при ширине 2,4-3,2 см.

2.2. Палаши. Разделы

Раздел А – палаши, рукояти которых не имели перекрестий и наверший. Палаши без металлических наверший и перекрестий обнаружены при исследовании Тарасовского (1 ед.) и Охлебнинского (1 ед.) могильников. Упомянутые находки могут отражать влияние на палаши традиции боевых ножей, длина клинков которых составляла 35-40 см. По мнению В.А. Иванова, боевые ножи могут являться наследием раннеананьинских племен Волго-Камья [Иванов, 1984. С. 19].

Раздел Б – палаши, рукояти которых были снабжены перекрестиями. К разделу Б относятся палаши, найденные в захоронениях Охлебнинского могильника (2 ед.). Оружие

имело перекрестия, представляющие собой железную пластину, обернутую вокруг основания клинка на манер «манжета». Хвостовики представляют собой пластины, не имеющие четко выраженного перехода к клинку.

Раздел В – палаши, рукояти которых снабжались навершиями и перекрестиями.

Раздел В образуют палаши, обнаруженные при раскопках погребений Тарасовского (2 ед.), Чегандинского II (1 ед.), Ныргандинского II (3 ед.) и Афонинского (2 ед.) могильников. Палаши рассматриваемой конструкции обнаружены при раскопках могильников чегандинской культуры, отсутствуют в кара-абызских захоронениях.

2.3. Классификация палашей

В связи с небольшим количеством известных находок для классификации палашей невозможно применить метод дискриминантного анализа. На основании учета параметров клинка и конструкции рукояти, возможно выделить следующие группы. **Группа 1** – это оружие с коротким и узким клинком, рукояти которого имели перекрестия и навершия. Подобными особенностями обладали палаши, находившиеся в погр. 133, 143 Афонинского, погр. 71 Ныргандинского II, погр. 7 Чегандинского II могильников. **Группа 2** образована находками, происходящими из погр. 733 и 1317 Тарасовского могильника. Оружие обладало узкими клинками средней длины и рукоятями с навершиями и перекрестиями. **Группа 3** представляет собой еще одну локальную традицию одного памятника. В погр. 230 и 502 Охлебнинского могильника были помещены палаши с узкими клинками средней длины и эфесами, имевшими только железные перекрестия. **Группа 4** – это оружие, являвшееся частью инвентаря погр. 210 Охлебнинского и погр. 1291 Тарасовского могильников. Палаши имели узкие клинки средней длины с рукоятями без наверший и перекрестий. Населением Прикамья палаши использовались в период I-II вв., но подобный вид оружия не получил широкого распространения.

2.4. Технологические аспекты изготовления длинноклинкового оружия первой половины I тыс. н.э.

Современный этап исследований характеризуется применением естественнонаучных методов исследования. Металлографическим исследованием установлено: мечи Гремячинского и Тюм–Тюмского могильников откованы из заэвтектоидной стали. Высказано предположение, что оружие было изготовлено в производственном центре одного из регионов Востока или Юго-Восточной Азии [Терехова, Розанова и др.1997. С. 143].

Исследования мечей были продолжены В.В. Кондрашиным. Установлено, что мечи из погр. 129, 131 и 608 Тарасовского могильника откованы из многослойных заготовок. Обломок меча из подъемного материала откован из заэвтектоидной стали [Кондрашин, 2002. С. 34]. В 2005 г. В.И. Завьялов опубликовал результаты металлографических анализов меча из погр. 81 Мокинского могильника, изготовленного из низкокачественного кричного железа.

Установлено, что мечи из погр. 105 Мокинского и погр. 2 кургана 4 Калашниковского могильника откованы из пакетных заготовок, набранных из полос с различным содержанием углерода [Завьялов, 2005. С. 103–104]. С.Е. Перевощиковым установлено, что мечи из погр. 782, 1737, 1772 Тарасовского могильника откованы из заэвтектоидной стали [Перевощиков, Малых, 2014, С. 19-20]. Высказано предположение о том, что мечи из погр. 129, 446, 782, 1125, 1307, 1737, 1772 являются объектами импорта. Мечи из погр. 131 и 608 могли быть изготовлены местными мастерами [Перевощиков, Малых, 2014. С. 19–21].

Глава 3. Классификация элементов эфеса длинноклинкового оружия

3.1. Классификация форм наверший

Группа А. Штифтовые навершия. К данной группе относятся навершия, крепившиеся при помощи металлического штифта. Большинство находок представлено дискообразными навершиями, изготовленными из халцедона (8 ед.). Практика украшения эфесов оружия халцедоновыми дисками появляется в сарматской среде в период II - первой половины III вв. [Безуглов, 2000. С. 173–174]. Вариацией традиции, пришедшей из сарматского мира, можно считать навершия, выполненные из створок моллюсков (3 ед.) или зеленого стекла (1 ед.). К подражаниям стоит отнести бронзовый диск, служивший навершием мечу из погр. 117 Рождественского V могильника [Старостин, 2009. С. 55–56]. В Прикамье мечи со штифтовыми навершиями становились частью погребального инвентаря захоронений III в. и второй половины IV в.

Группа Б. Насадные навершия. Под насадными навершиями понимаются изделия, имеющие раструб, который надевался на торец деревянной части рукояти. Находки искомой группы могли иметь чашеобразную форму и быть откованными из железа (5 ед.) или иметь рюмкообразную форму и быть изготовленными из серебра (3 ед.). Известны навершия, отлитые из меди, украшенные антенновидными выступами, концы которых стилизованы в виде змеиных голов (2 ед.). Наличие наверший данной формы зафиксировано только у палашей.

Группа В. Интегрированные навершия. Под интегрированными навершиями понимаются изделия, выкованные как продолжение хвостовика. Навершиям интересующего оружия могла придаваться кольцеобразная форма (2 ед.). В Прикамье подобное оружие происходит из захоронений I-II вв. Часть наверший имела форму незавершенного овала, концы которого имели шишкообразную или граненую формы (7 ед.) или представляли собой два штыря, образующих V-образную конструкцию (1 ед.).

3.2. Классификация перекрестий

Группа А. Перекрестия прямой формы. К оружию, обладавшему прямыми перекрестиями, относятся 21 меч и 1 палаш. Распространенность прямых перекрестий стоит связывать с простотой изготовления и функциональностью изделий. В период I-II вв. в могилы

попало 6 мечей и 1 палаш с перекрестиями группы А. В материалах раскопок погребений конца III - первой половины IV вв. присутствует 2 меча. Из комплексов второй половины IV - начала V вв. происходит 11 находок. В период I-II вв. длина перекрестий в среднем составляет 5 см. Мечи конца IV-V вв. имели перекрестия длиной около 7-9 см.

Группа Б. Перекрестия сложной формы. Мечи с перекрестиями сложной формы происходят преимущественно из погребений, оставленных в I-II вв. (4 ед.). Большинство перекрестий данного периода представлено ромбовидными изделиями с клиновидным вырезом в верхней части (3 ед.). Определенное количество мечей с интересующими перекрестиями происходит из захоронений второй половины IV - начала V вв. (2 ед.).

Группа В. Прямые односторонние перекрестия. Перекрестия данной группы использовались исключительно для компоновки рукоятей палашей. Перекрестия изготавливались из железной пластины, которая оборачивалась вокруг пяты клинка. Длина перекрестий колеблется в пределах 3,5-4,5 см при ширине около 2 см.

3.3. Ножны длинноклиноквого оружия. В нашем распоряжении имеются сведения об обнаружении фрагментов ножен у 48 мечей. Ножны периода первой половины I тыс. н.э. изготавливались преимущественно из дерева. Металлическая гарнитура для комплектации и оформления ножен в большей мере характерна для оружия, попавшего в захоронения в I - II вв. В III в. происходит упрощение в оформлении ножен мечей. Практически не фиксируется использование металлических обойм и наконечников ножен. Ножны мечей, используемых в период IV-V вв., продолжают развиваться в той же логике, что и ножны III в. Мечи продолжают помещать в простые деревянные ножны, поверхность которых может окрашиваться.

3.4. Привески. В ходе раскопок погребальных комплексов первой половины I тыс. н.э. рядом с мечами нередко фиксируется наличие бусин. В работе учтено 34 факта обнаружения бусин, имевших отношение к мечам. В выборе материала предпочтение отдается халцедону (12 случаев) и стеклу (12 случаев). Использование хрусталя, глины, известняка, створок раковин носит единичный характер. Имеет смысл обратить внимание на мнение И. Вернера, согласно которому бусины могли использоваться как украшения ножен, темляков и кистей оружия. Назначение бусин могло связываться с магическими представлениями [Вернер, 1956. С. 33].

Глава 4. Влияние социальных процессов на распространение длинноклиноквого оружия в Прикамье в первой половине I тыс. н.э.

4.1. Социальные процессы I-II вв.

При проведении раскопок захоронений I-II вв. н.э. обнаружено 22 меча и 15 палашей. В начале нашей эры не фиксируется изменений в погребальности или иных признаков появления в Прикамье групп инокультурного населения, способных стать источником вооружения. Материалы раскопок памятников I-II вв. н.э. не позволяют обосновать предположение о

переходе местных обществ от стадии первобытных отношений к военной демократии. Погребальный инвентарь захоронений I-II вв. не дает оснований для выделения социальных институтов дружинников и военных вождей. Мужчины, погребенные вместе с длинноклинковым оружием, органично вписывались в структуру рода, а не противопоставляли себя ей [Овсянников, 1992. С. 64-65].

Среди мечей, попавших в захоронения I-II вв., выделяется группа находок, имевшая перекрестия ромбовидной формы с клиновидным вырезом в верхней части. Появление в Прикамье оружия, имеющего дальневосточные прототипы, может быть связано с подвижками групп населения, происходящими в степных регионах. По мнению А.С. Скрипкина, в конце I - начале II вв. происходит отток части кочевого населения из Средней Азии в Южное Приуралье и Нижнее Поволжье [Скрипкин, 2010. С. 10].

Нам кажется маловероятным приобретение населением Прикамья мечей в результате торговых контактов с представителями нового конгломерата кочевников. Передел сфер влияния между различными группами кочевников мог сформировать потребность в поисках союзников или в наемных войсках. Участвуя в военных акциях за пределами региона своего проживания, местное население могло приобретать статусное вооружение как трофеи или как снабжение союзных войск.

4.2. Социальные процессы III - первой половины IV вв.

В III в. происходят изменения в географии распространения длинноклинкового оружия на территории Прикамья. В данный период практика помещения мечей в захоронения фиксируется только у населения правобережья р. Кама.

В первой половине III в. мечи продолжают помещать в захоронения Тарасовского могильника, о чем свидетельствуют материалы погр. 131А и погр. 446. Наличие в могилах длинных мечей может являться одним из свидетельств сохранения контактов с кочевниками Южного Предуралья.

Во второй половине III - начале IV вв. в Удмуртском Прикамье увеличивается количество захоронений с мечами. Помимо Тарасовского некрополя, мечи были обнаружены при раскопках погребальных комплексов Нивского (2 ед.), Усть-Сарапульского (3 ед.) и ряда иных могильников. В данный период фиксируется инновация в развитии воинской субкультуры, связанная с появлением в захоронениях защитного вооружения. В погр. 6 и 782 Тарасовского, погр. 10 и 80 Нивского могильников были обнаружены шлемы [Голдина. 2004. С. 11, 138; Останина, 1978. С. 111–112]. Особый статус части мужчин, захороненных с мечами, начинает подчеркиваться повышенной трудозатратностью подготовки могил. К примеру, объём погр. 790 Тарасовского могильника, содержавшего в своем составе меч, составил около 4,9 м³ при среднем объёме погребальных ям памятника около 1 м³ [Голдина, 2004. С. 348].

В погребальном инвентаре носителей мазунинской культуры появляется новая категория импортов, представленная металлургическими полуфабрикатами. В частично разграбленном погр. 1679 Тарасовского могильника обнаружены две железные крицы, еще одна крица присутствовала в погр. 782 [Перевощиков, Сабирова, 2014. С. 72–73]. С.Е. Перевощиков и Т.М. Сабирова высказали предположение о том, что крица была выплавлена в регионах, расположенных к западу от Прикамья [Перевощиков, Сабирова, 2014. С. 73]. В погр. 1679 сохранился слиток латуни. По мнению С.Е. Перевощикова, существовавшие в древности способы производства латуни технологически были слишком сложны для прикамских мастеров.

Появление статусного вооружения и иных импортов может быть связано с очередным этапом военной активности местного населения. События Скифской войны создавали благоприятные условия для создания военных союзов, включающих представителей различных племен, этносов, заинтересованных в захвате материальных ценностей на римской периферии. Мечи, шлемы, металлургические полуфабрикаты, попавшие в захоронения, могли быть трофеями.

Из мазунинских захоронений первой половины IV в. исчезает защитное вооружение, но в них присутствуют мечи. Вероятно, сохраняются военные контакты, но они не приводят к появлению значимых объёмов защитного вооружения.

4.3. Мужские союзы.

Совершению дальних военных походов и реализации иных форм военной активности могло способствовать наличие социального института мужских союзов. В основе социальной структуры древних обществ находились такие ключевые понятия, как пол и возраст [Тишкин, 1997. С. 54]. Переход из одного класса в другой мог быть связан не столько с достижением необходимого возраста, но и с прохождением определенных процедур, важнейшей из которых являлась инициация. У многих народов процесс инициации строился по следующей схеме: выделение иницируемых из состава обществ, прохождение ими обучения в молодежных союзах, итоговые испытания и, наконец, возвращение в состав своего племени со сменой возрастного класса [Вдовиченков, 2013. С. 183]. Подготовка могла проходить на границах племенной территории, где молодежь занималась охотой, грабительскими набегами, охраной земель [Вдовиченков, 2013. С. 183]. Периодическая организация военных действий, в том числе представленная дальними военными походами, могла являться социальной потребностью некоторых обществ. Не последнюю роль в организации данных событий могли играть мужские союзы.

Археологические материалы, происходящие из захоронений I–IV вв., не позволяют обосновать факт существования в Прикамье социального института дружин. Часть

захоронений, погребальный инвентарь которых свидетельствует о связи части умерших с военным делом, могла принадлежать участникам мужских союзов. Представители мужских союзов Прикамья, контактируя с элитами кочевых обществ, могли заимствовать элементы воинской субкультуры, транслируя их в сообщества, к которым принадлежали. Поэтому на территории различных некрополей могли присутствовать захоронения, по составу инвентаря аналогичные воинским комплексам кочевого мира. Одним из таких заимствований являлось длинноклинковое оружие, а также практики и традиции, связанные с ним.

Глава 5. Влияние миграционных процессов на распространение длинноклинкового оружия в первой половине I тыс. н.э. в Прикамье

5.1 Миграционные процессы I-II вв. н.э.

Появление длинноклинкового оружия в захоронениях возможно рассматривать как одно из отражений развития не только социальных, но и миграционных процессов. Среди предметов вооружения, происходящих из погребений I-II вв., привлекают внимание палаши. В сопредельных с Прикамьем регионах наличие палашей фиксируется у населения андреевско-писеральской общности. Толчком к формированию андреевской общности послужило появление в среде населения Среднего Поволжья группы мигрантов. В рамках нашего исследования будет поддержано предположение С.Э. Зубова о проникновении в Окско-Сурское междуречье военного отряда, пришедшего из Зауралья [Зубов, 2011. С. 111].

Находясь на территории Прикамья, представители военного отряда могли вступать в контакты с местным населением. Контакты могли привести к тому, что часть местных мужчин могла быть вовлечена в движение мигрантов в Среднее Поволжье. Развитие событий в подобном ключе может объяснить причины присутствия в материалах андреевско-писеральских памятников находок, характерных для представителей культур населения Прикамья. В результате контактов с мигрантами представители населения Прикамья могли получить определенное количество палашей и делать собственные копии данного оружия. Мигранты и возможные контакты с их потомками могли оказывать влияние на организацию и деятельность военных структур населения Прикамья.

5.2. Процессы второй половины III - первой половины IV вв.

Следующий виток миграционных процессов затронул население Прикамья в конце III - начале IV вв. О развитии данных процессов свидетельствует локальное распространение традиции захоронения вместе с умершими фрагментов скелета лошади, фиксируемой по материалам раскопок нижекамских могильников, таких как Усть-Брыскинский, Рождественский V и др. Мигранты нижекамской группы, возможно стали источником статусного оружия и для местного населения.

Мечи были обнаружены не только в ходе раскопок нижнекамской группы азелинских памятников, но и при исследовании некрополей, оставленных на территории Вятки. Мечи обнаружены при изучении Городищенского (1 экз.), Азелинского (1 экз.), Суворовского (4 экз.), Тюм-тюмского (5 экз.), Первомайского (1 экз.), Ошкинского (1 экз.) могильников. На Вятке не выявлено захоронений с фрагментами скелета лошади.

Мигранты могли стать для вятского населения одним из источников статусного вооружения. Но стоит ли связывать появление всего длинноклинкового оружия в Волго-Вятском междуречье только с упомянутой группой инокультурного населения? Р.Д. Голдиной выдвинуто предположение о появлении в регионе вельбарского или черняховского населения [Голдина, 1997. С. 261–262]. При раскопках вятской группы памятников не выявлено значимых изменений погребальной обрядности, свидетельствующих о появлении групп населения, представляющих культуры юго-западных регионов. Высококачественные образцы вооружения, халцедоновые диски и украшения с эмалью могли являться трофеями местного населения или являться предметами, полученными по торговым каналам.

Формирование вятской группы памятников азелинской культуры могло быть связано с уходом части местного населения, ранее проживавшего на территории Нижней Камы. Спровоцировать передислокацию групп населения могла деятельность мигрантов, чье происхождение связано с андреевско-писеральской общностью. На появление статусного вооружения у населения Волго-Камского междуречья могли оказывать влияние исторические события, не связанные напрямую с миграционными процессами, затронувшими Прикамье. В IV в. осуществлялись военные акции готов эпохи Германариха. М.Б. Щукин видит логику действий готов в попытках установить контроль над Балто-Волжским торговым путем [Щукин, 2005. С. 209]. К западу от Прикамья развернулся крупный военный конфликт, затронувший население многих регионов. Данный конфликт или серия конфликтов могли стать для местного населения источником статусного вооружения и иных импортов. Участвуя в дальних военных походах, часть мужчин могла приобретать интересующие их импорты и социальные статусы, достаточные для помещения в их захоронения мечей, шлемов и кольчуг.

5.3. Миграционные процессы второй половины IV - начала V вв.

Следующий этап распространения длинноклинкового оружия приходится на вторую половину IV - начало V вв. Материалы, введенные в научный оборот, позволяют высказать предположение о появлении в Прикамье групп населения, более сложно устроенных, чем отдельные рода, общины или племена. Мигранты, оставившие подкуранные захоронения Тураевского могильника, могли являться военной дружиной. Если рассматривать группу лиц, оставившую подкуранные захоронения Тураевского могильника, в качестве военной дружины, вполне допустимо предположение о ее поликультурном или даже полиэтничном составе.

Событием, способствовавшим появлению в Прикамье дружины, сформировавшейся в юго-западных регионах, могло стать нашествие гуннов. Поражение в конфликте с гуннами могло заставить хорошо вооруженный отряд уйти из Причерноморья в поиске безопасных земель. Если представители населения Прикамья участвовали в военных конфликтах в юго-западных регионах, они могли способствовать передислокации дружины в Прикамье для решения собственных проблем.

В ходе раскопок Старо-Муштинского могильника, расположенного на севере Башкирии, был выявлен ряд подкурганых захоронений, содержащих в своем составе мечи. Процесс формирования Старо-Муштинского могильника можно рассматривать как отражение взаимодействия и сосуществования мазунинского и позднесарматского населений [Коренюк, Перескоков, 2011. С. 135].

События второй половины IV - начала V вв. изменяют географию распространения длинноклинкового оружия. Помимо захоронений Мокинского могильника (9 ед.) мечи выявлены при проведении раскопок Бурковского (3 ед.), Бродовского (5 ед.), Митинского (1 ед.), Калашниковского (1 ед.) могильников Верхнего Прикамья. Все вышеперечисленные некрополи относятся к категории курганно-грунтовых могильников, на территории которых были оставлены захоронения, совершенные как в традициях носителей гляденовской культуры, так и в традициях, не свойственных для представителей местного населения. В рамках нашего исследования мы поддержим версию проникновения в Верхнее Прикамье представителей позднесарматской культуры, принесших с собой часть мечей, допуская, что совместно с сарматами или отдельно от них в регион продвигались представители немногочисленных групп иного населения.

Появление в различных частях Прикамья сармат не привело к массовому распространению длинноклинкового оружия, что, вероятно, связано как с небольшой численностью мигрантов, так и с невозможностью получать мечи из других регионов.

В заключении подведены итоги исследования, обобщены все основные положения работы.

Историографический анализ показал, что мечи и палаши, найденные на территории Прикамья, не становились объектами специализированных научных изысканий. Рассмотрение параметров клинков интересующего оружия позволило выделить 3 отдела мечей и 2 отдела палашей. Выделено 4 возможных варианта (раздела) компоновки рукоятей мечей и 3 варианта (раздела) компоновки эфесов палашей. В конструкции рукоятей и параметрах клинков мечей прослеживаются не культурные, а временные особенности и закономерности. На основании способа крепления наверший выделены 3 группы подобных находок. Рассмотрение особенностей перекрестий позволило обосновать существование 3 групп находок.

В рамках исследования была произведена апробация использования метода дискриминантного анализа для классификации мечей как системы элементов, образующих их. Исходя из статистических показателей, возможно обосновать выделение трех конструктивно-хронологических типов мечей. Тип 1 – это оружие, характерное для I–II вв., показатель хронологической узнаваемости составил 60%. Тип 2 – это мечи, происходящие из захоронений, оставленных в III в. Узнаваемость составляет 66,7%. Тип 3 отражает специфику оружия, наиболее характерного для периода IV в. (без последней его четверти). Узнаваемость находок определяется как 85,3%, что является самым высоким показателем среди рассматриваемых групп. Основываясь на полученных результатах, можно утверждать, что метод дискриминантного анализа способен быть эффективным инструментом изучения как длинноклинкового оружия, так и иных категорий предметов духовной и материальной культуры.

Начало распространения длинноклинкового оружия в среде оседлого населения Прикамья фиксируется по инвентарю захоронений I–II вв. Появление палашей возможно связать с транзитной миграцией военного отряда, двигавшегося из Зауралья в Среднее Поволжье. Появлению в захоронениях I–II вв. н.э. мечей могли способствовать контакты местного населения с кочевниками, пришедшими в степи Южного Предуралья из регионов Средней и Центральной Азии.

На территории Удмуртского Прикамья во второй половине III в. появляются погребальные комплексы, содержащие в своем составе не только мечи, но и шлемы. Интересующие погребения не несут в себе инноваций, свидетельствующих о появлении в регионе групп инокультурного населения. Очередной приток статусного вооружения и предметов мог быть прямо или косвенно связан с событиями Скифской войны. Немногочисленные группы прикамского населения могли входить в состав военных формирований, участвовавших в военных действиях в западных регионах. В результате участия в военных действиях могли быть захвачены трофеи, в том числе представленные предметами статусного вооружения.

Течение иных процессов могло способствовать распространению длинноклинкового оружия в среде населения Волго-Вятского междуречья в конце III – начале IV вв. В данный период в регионе могли появиться представители андреевско-писеральской общности Среднего Поволжья. Как часть своего имущества мигранты могли принести мечи, обнаруженные при раскопках Рождественского V, Усть-Брыскинского и ряда иных могильников Нижнего Прикамья.

Мигранты могли вынудить часть местного населения передислоцироваться на Вятку, в результате чего начинали свое функционирование Азелинский, Суворовский и ряд иных

могильников. Богатые воинские захоронения, содержащие предметы импорта, могли принадлежать не представителям вельбарской или черняховской культуры, а носителям местной азелинской культуры.

Немаловажную роль в распространении статусного вооружения в данной части региона могли сыграть события конфликта, вызванного военными акциями представителей державы Германариха. Военные действия в сопредельных регионах могли создать благоприятные условия для военной активности носителей азелинской культуры, в результате которой приобреталось статусное вооружение.

Вторая половина IV в. обозначилась проникновением в Прикамье групп инокультурного населения различного этнокультурного происхождения. На территорию Удмуртского Прикамья в разное время проникали группы мигрантов различного происхождения. С юга в среду проживания носителей мазунинской культуры могли проникать сарматы. Взаимодействие сармат с мазунинским населением привело к формированию на севере современной Башкирии Старо-Муштинской группы курганно-грунтовых могильников. Данная группа памятников представляет для нас интерес в связи с тем, что в ряде захоронений данной группы присутствуют мечи, которые с собой могли принести мигранты.

Наличие курганных захоронений на территории Тураевского могильника свидетельствует о появлении еще одной группы мигрантов. Мигранты, оставившие курганную часть Тураевского могильника, могли представлять собой военную дружину. Несмотря на большое количество вооружения, принесённого мигрантами, и особенности организации, они не смогли оказать существенного влияния на распространение мечей в среде населения Прикамья.

Во второй половине IV в. длинноклинковое оружие появляется в составе погребального инвентаря захоронений, оставленных на территории Верхнего Прикамья. С движением на север групп кочевого населения стоит связывать появление значительной части мечей, попавших в захоронения, оставленные на территории Верхнего Прикамья.

Влияние на распространение длинноклинкового оружия в Прикамье могло оказывать не только появление в регионе мигрантов, но и факторы, связанные с социально-политическим развитием местного населения.

Социальными структурами, способными оказать существенное влияние на распространение длинноклинкового оружия, могли стать мужские союзы. Рассматриваемые структуры могли являться средой, в которой происходило развитие воинской субкультуры и ее дальнейшее распространение. Объединяя лица наиболее боеспособного возраста, мужские союзы могли способствовать организации дальних военных походов и иных форм военной

активности, осуществляемой за пределами Прикамья, способствующей приобретению импортов, среди которых присутствовали мечи.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации:

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях и журналах, рекомендованных ВАК:

1. Перовощиков С.Е., Малых О.О. К вопросу о происхождении мечей Тарасовского могильника (по данным металлографии) / С.Е. Перовощиков, О.О. Малых // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2014. – №61 – С. 18-24. (авт. вкл.- 0,4 п.л.)

2. Малых О.О., Шмуратко Д.В. Опыт выделения конструктивно-хронологических типов мечей первой половины I тысячелетия н.э. Прикамья на основании дискриминантного анализа / О.О. Малых, Д.В. Шмуратко // Самарский научный вестник. Исторические науки.– 2019. – №1. Т.8. – С. 135-145. (авт. вкл.- 0,6 п.л.)

3. Малых О.О. К вопросу о появлении палашей в Среднем Прикамье в I-II вв. н.э. / О.О. Малых // Самарский научный вестник. Исторические науки. – 2019. – №3. Т.8 – С. 179-183. (0,74 п.л.)

4. Малых О.О. Импорты из погребений Тарасовского могильника второй половины III в. н.э. как источник сведений о военных походах населения Среднего Прикамья / О.О. Малых // Вестник Томского государственного университета.– 2022. – № 477. – С. 133-144. (1,05 п.л.)

Статьи и тезисы:

5. Малых О.О. Халцедоновые навершия мечей или «Камни жизни» / О.О. Малых // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. – Астрахань: Изд-во «Астраханский университет», 2006. – С. 165-166. (0,2 п.л.)

6. Малых О.О. Типология мечей III-VI в. Прикамья / О.О. Малых // Сообщения и доклады студенческого научного общества. ПГПУ. – Пермь: Изд-во ПГПУ, 2007. – №1. – С. 104-108. (0,5 п.л.)

7. Малых О.О. Типология наверший мечей III-VI вв. н.э. / О.О. Малых // Доклады XXXIX Урало-Поволжской научной конференции студентов и аспирантов. – Пермь: ПГПУ, 2007а. – С. 216-219. (0,4 п.л.)

8. Малых О.О. Обезвреживание длинноклинкового оружия в погребальных памятниках Прикамья./ О.О. Малых // Археологическая экспедиция : новейшие достижения в изучении историко-культурного населения Евразии. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2008. – С. 235-239. (0,5 п.л.)

9. Малых О.О. Палаши Раннего железного века в Прикамье / О.О. Малых // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермские финны и угры Урала в эпоху железа. – Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2009. – №6. – С. 57-66. (1 п.л.)
10. Малых О.О. Двуручные мечи «азелинского типа» / О.О. Малых // Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: 9 Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов. – Сыктывкар: Изд-во СГУ, 2010. – С. 103-105. (0,3 п.л.)
11. Малых О.О. Палаши Прикамья / О.О. Малых // Труды КАЭЭ. – Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2011. – №7. – С. 81-92. (1 п.л.)
12. Малых О.О. К вопросу о типологии длинноклинкового оружия Прикамья II-VII в. н.э. / О.О. Малых // Труды КАЭЭ. – Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2012. – №8. – С. 183-190. (0,7 п.л.)
13. Малых О.О. Проблема импорта мечей на территорию Прикамья в I половине I тыс. н.э. (по данным металлографии) / О.О. Малых // V Русановские чтения. – Пермь, 2013. – №5 – С. 183-185. (0,3 п.л.)
14. Малых О.О. Пути проникновения мечей в Пермское Предуралье в первой половине I тыс. н.э. / О.О. Малых // Труды КАЭЭ. – Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2017. – №12. – С. 26-32. (0,6 п.л.)